
З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

P H I L I P K E R R

METROPOLIS

Ф И Л И П К Е Р Р

МЕТРОПОЛИС

Перевод с английского
Марии Акимовой

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
К36

Philip Kerr
METROPOLIS

This edition published by arrangement
with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского: *Мария Акинина*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

Copyright © 2019 by thynKER Ltd
© Мария Акинина, перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Посвящается Джейн
Сейчас и навсегда*

Пролог

Как всякий человек, читавший Библию, я имел представление о Вавилоне как о городе, олицетворявшем беззаконие и все мерзости земные, какими бы они ни были. Как всякий человек, живший в Берлине во времена Веймарской республики, я также знал, насколько часто сравнивали два этих города. Наш крикливый пастор с лицом цвета кирпича, доктор Ротпфад из церкви Святого Николая, куда меня в детстве водили родители, до того разбирался в топографии Вавилона, что казалось, он там когда-то жил. От чего мое восхищение этим городом лишь усилилось. Я попытался найти его название в «Популярной энциклопедии», тома которой занимали целую полку в семейном книжном шкафу. Но энциклопедия не особенно проливала свет на мерзости земные. И хотя в Берлине действительно можно было найти множество шлюх и блудниц, да и греха в изобилии, я не уверен, что здесь дела обстояли хуже, чем в любом другом метрополисе вроде Лондона, Нью-Йорка или Шанхая.

Бернард Вайс говорил мне, что аналогии есть и всегда были чепухой, что с тем же успехом

можно сравнивать яблоки и апельсины. Он не верил в зло и напоминал мне о том, что законов против него нет нигде. Даже в Англии, где существуют законы против всего на свете. В мае 1928 года Пергамскому музею Берлина еще только предстояло восстановить знаменитый северный вход Вавилона — ворота Иштар, поэтому бюстители морали не успели подчеркнуть красным дурную славу прусской столицы как самого порочного места в мире, а это означало, что по-прежнему оставалось пространство для сомнений. Возможно, мы просто честнее относились к собственным порокам и терпимее к недостаткам других. Мне ли не знать? В 1928 году порок во всех его бесконечных проявлениях был моей непосредственной обязанностью в Полицейском президиуме на Александерплац. С криминалистической точки зрения — а благодаря Вайсу это стало для нас, полицейских, новым словом, — я знал о пороке почти столько же, сколько Жиль де Рэ¹. Но, по правде говоря, с такими потерями во время Великой войны и с гриппом, который, подобно ветхозаветной чуме, унес жизни других миллионов, едва ли стоило беспокоиться о том, что люди вдыхают или, раздевшись, творят в своих темных бидермейерских спальнях. И не только в спальнях. Летними ночами Тиргартен порой напоминал конный завод — так много шлюх совокуплялись со своими клиентами пря-

¹ Барон, маршал Франции и алхимик, участник Столетней войны, сподвижник Жанны д'Арк. Был арестован и казнен по обвинению в серийных убийствах. Послужил прототипом для Синей Бороды.

Пролог

мо на траве. Полагаю, нет ничего удивительного в том, что после войны, когда стольким немцам пришлось убивать ради своей страны, теперь они предпочитали трахаться.

Учитывая все, что произошло до, и то, что случилось после, о Берлине трудно рассуждать достоверно или справедливо. Во многих отношениях он никогда не был приятным местом, а иногда становился даже безумным и уродливым. Слишком холодным зимой, слишком жарким летом, слишком грязным, слишком дымным, слишком вонючим, слишком шумным и, конечно, ужасно страдавшим от столпотворения, которое было так характерно для Вавилона. Все общественные здания, построенные во славу Германской империи, едва ли когда-нибудь существовавшей, как и худшие городские трущобы вместе с многоквартирными домами, заставляли почти каждого, кто с ними сталкивался, почувствовать себя бездушным и ничтожным. О берлинцах никто особо не заботился (правители уж точно), ведь они не отличались приятностью, дружелюбием или благовоспитанностью. Зато довольно часто оказывались тупыми, вялыми, скучными и невыносимо заурядными. И всегда — грубыми и жестокими. Убийства были обычным делом: в основном, их совершали пьяные мужчины, которые, вернувшись из пивных, душили своих жен, поскольку, одурев от пива и шнапса, не соображали, что творят. Иногда случалось и нечто похуже вроде историй Фрица Хаарманна или Карла Денке — тех странных, безбожных немцев, которые, казалось, наслаждались

убийством ради самого убийства. Но даже это не особо удивляло. Наверное, Веймарская Германия сделалась безразличной к внезапным смертям и человеческим страданиям, что тоже было неизбежным наследием Великой войны. Мы потеряли два миллиона погибшими. Столько же, сколько Британия и Франция, вместе взятые. Некоторые поля Фландрии до того завалены костями наших юношей, что стали более немецкими, чем Унтерден-Линден¹. И даже теперь, через десять лет после войны, на улицах не протолкнуться от увечных и хромых. Многие из них по-прежнему носят форму, выпрашивая мелочь у вокзалов и банков. В редкий день общественные места Берлина не походят на картины Питера Брейгеля.

Несмотря на это, Берлин все-таки был замечательным и вдохновляющим. Вопреки целому списку причин не любить этот город, он представлял собой огромное и сияющее зеркало мира, поэтому для любого, заинтересованного жить в этом мире, становился удивительным отражением человеческого бытия во всем его завораживающем великолепии. Заплатите мне — я все равно не променяю Берлин на другое место, особенно теперь, когда худшие дни Германии позади. После Великой войны, гриппа и инфляции дела пошли на лад, пусть и медленно. Многим жителям, особенно на востоке города, по-прежнему тяжело. Но сложно представить, чтобы Берлин

¹ *Унтерден-Линден* — один из главных и самый известный бульвар Берлина.

Пролог

ждала судьба Вавилона, который, согласно «Популярной энциклопедии», уничтожили халдеи, разрушив его стены, храмы и дворцы и сбросив обломки в море. С нами не могло случиться ничего подобного. Что бы сейчас ни последовало, нас, скорее всего, минует библейская гибель. Никто — ни французы, ни британцы, ни, тем более, русские — не заинтересован в том, чтобы Берлин, а следовательно, и Германия стали предметом божественного возмездия.

Часть первая

ЖЕНЩИНЫ

Повсюду тайна трупa.

Макс Бекман.

Автопортрет в словах

Через пять дней после всеобщих федеральных выборов Бернхард Вайс, начальник криминальной полиции Берлина, вызвал меня в свой кабинет на шестом этаже. Окутанный дымом любимой сигары «Черная мудрость» и сидевший за столом для совещаний рядом с Эрнстом Геннатом, одним из лучших детективов по расследованию убийств, он пригласил меня присоединиться. Сорокавосемилетний Вайс был берлинцем — невысоким, стройным и подтянутым, даже педантичным, в круглых очках, с аккуратными, хорошо подстриженными усами. Ко всему прочему он был адвокатом и евреем, что делало его непопулярным среди многих наших коллег. Вайсу пришлось преодолеть множество предрассудков, чтобы добиться своего положения: в мирное время евреям запрещалось получать офицерские чины в прусской армии, но, когда началась война, он подал заявление о поступлении в Королевские баварские войска, где быстро дослужился до ротмистра и получил Железный крест. После войны по поручению Министерства внутренних дел Вайс реформировал берлинскую полицию и сделал ее одним из самых современных подразделений Европы. И все же надо сказать, из него вышел необычный полицейский. Мне он всегда слегка напоминал Тулуз-Лотрека.

Часть первая. ЖЕНЩИНЫ

Перед ним лежала открытая папка, посвященная, судя по всему, мне.

— Ты хорошо показал себя в отделе нравов, — произнес Вайс своим поставленным, почти театральным голосом. — Хотя боюсь, твоя битва с проституцией безнадежна. Все эти вдовы и русские беженки зарабатывают на жизнь, как могут. Я продолжаю твердить нашей верхушке, что если оказать больше поддержки равной оплате труда для женщин, то мы за одну ночь решим проблему с проституцией в Берлине. Но ты здесь не поэтому. Полагаю, уже слышал, что Генрих Линднер уволился из полиции, чтобы стать авиадиспетчером в Темпельхофе. В фургоне отдела убийств освободилось место.

— Да, сэр.

— Ты знаешь, почему он уволился?

Я знал, но едва ли хотел отвечать и поймал себя на том, что хмурюсь.

— Можешь сказать. Я нисколько не обижусь.

— Я слышал, что ему не нравилось подчиняться приказам еврея, сэр.

— Совершенно верно, Гюнтер. Ему не нравилось подчиняться приказам еврея. — Вайс затянулся сигарой. — А как насчет тебя? У тебя есть какие-нибудь трудности с исполнением приказов еврея?

— Нет, сэр.

— Или с исполнением чьих-то еще приказов, если на то пошло?

— Нет, сэр. У меня нет проблем с командованием.